

В покоех преподобного Цинъяна сияли две ночные жемчужины размером с кулак. Их мягкий свет заливал всё помещение, превращая полумрак в ясный день.

Преподобный Цинъян сидел у окна, склонившись к Линь Чжэньчжэню и о чём-то с ним в тишине беседуя. В лунном отблеске жемчужин его черты казались невероятно мягкими, исполненными кротости. Подойдя ближе, Гу Янь увидел, как Чжэньчжэнь теребит рукав учителя и ластится с тихим шёпотом:

— Учитель, попробуйте духовный чай, что я заварил. Я привёз эти листья из дома! Даже старшим братьям и сёстрам не дал попробовать, всё берёг, чтобы вы первыми оценили, когда выйдете из медитации.

— Тебе бы лучше приложить все силы к совершенствованию, — с мягким укором произнёс Цинъян.

В его голосе звучала едва уловимая досада, но на самом деле он вовсе не сердился за нерадивость ученика. Преподобный прекрасно понимал: Чжэньчжэнь не то чтобы не старается, просто его тело от рождения отравлено утробным ядом, а каналы закупорены. Любые усилия приносят лишь малую толику результата, а стоило проявить хоть каплю поспешности — яд пробуждался, принося невыносимую боль в забытых меридианах. Неудивительно, что со временем мальчик потерял всякую охоту к усердным занятиям.

Заметив, как у того блеснули на глазах слёзы и проскользнула детская обида, преподобный Цинъян принял пиалу и осушил её до дна:

— Замечательный чай. — И, похвалив ученика, добавил: — Спасибо за заботу.

Было видно, что настроение у мастера отменное. Отставив чашку, он извлёк из пространственного кольца нефритовый подвес:

— Носи этот Нефрит Просветления Сердца при себе, когда медитируешь. Он поможет успокоить дух и укротить духовную энергию. Надеюсь, с ним ты скорее достигнешь стадии Концентрации Цзи.

— Спасибо, учитель! — сладко просиял Линь Чжэньчжэнь.

Затем Цинъян с улыбкой повернулся к Чжао Чжэньюю и вручил ему предмет. Это был длинный меч его собственнойковки — ослепительно белый, с переливающимся серебром клинком, казавшийся безупречным и бесценным. Чжэньюю не хватало опыта и познаний в совершенствовании, чтобы оценить его истинное качество, но Гу Янь сразу распознал бракованный духовный артефакт низшего ранга Хуан.

Сравнивать его с нефритом Чжэньчжэня было всё равно что сравнивать грязь с небом.

Какая вопиющая предвзятость!

Прежде Гу Янь был слеп и ничего этого не замечал, не понимал, насколько глубока слепая любовь учителя к Линь Чжэньчжэню... Что и привело в итоге к катастрофе.

Спустя мгновение преподобный Цинъян, заметив его присутствие, тепло улыбнулся и поманил рукой:

— Янь-эр, подойди ближе.

На самом деле мастер увидел Гу Яня сразу, как тот вошёл. Он нарочно достал меч для Чжао Чжэньюя, ожидая, что старший ученик сам подойдёт с приветствием. Однако Гу Янь стоял неподвижно, молча и пристально глядя на нефритовый подвес.

Цинъяну это показалось милым и слегка забавным. Его старший воспитанник всегда отличался сдержанностью и рассудительностью: едва ступив на путь Концентрации Цзи, он научился сам добывать духовные камни на горе Заходящего Солнца и обеспечивать себя всем необходимым для совершенствования. За все годы он ни разу ничего не попросил у наставника.

Теперьшняя его угрюмость выглядела непривычно и оттого трогательно.

Мастер окликнул его и, запустив руку в пространственное кольцо, достал изящный, иссиня-чёрный длинный меч:

— Взгляни, Янь-эр. Нравится?

Это был меч Синсюань — то самое оружие, которым Цинъян пользовался сразу после формирования Золотого Ядра. Высококласный артефакт ранга Сюань, лишь немного не дотягивавший до ранга Ди.

Линь Чжэньчжэнь, похоже, узнал легендарный клинок. При его виде он округлил глаза и, услышав, что наставник отдаёт меч Гу Яню, едва не заставил треснуть свою безупречную маску воспитанного благородного юноши. В его голосе засквозила явная зависть:

— Учитель, вы отдаёте этот меч старшему брату? Он ведь такой невероятный! Старший брат, почему же ты не благодаришь наставника?

Уловив ревность в его тоне, Цинъян торопливо улыбнулся, успокаивая его:

— Твой старший брат достиг стадии Золотого Ядра, и Синсюань подходит ему как нельзя лучше. Старайтесь усерднее, и когда сформируете свои ядра, учитель обязательно одарит и вас ценными сокровищами...

— Не нужно, — холодно отрезал Гу Янь. — Оставьте этот меч младшему брату Линю. Мне он ни к чему.

От этих слов все трое опешили.

«Дар старшего принимать должно безоговорочно» — таково негласное правило. Прямой отказ звучал как дерзкий вызов авторитету преподобного. В глазах Цинъяна вспыхнуло изумление. Наставник всматривался в лицо старшего ученика и, поняв, что тот не просто проявляет ложную скромность, нахмурился. Удивление сменилось глубоким замешательством.

— Разве учитель чем-то обидел тебя, Янь-эр? — тихо и озадаченно спросил он. — Чем я огорчил тебя?

В мягком сиянии ночных жемчужин Гу Янь пристально смотрел на наставника. Внешне он казался абсолютно спокоен, но ногти до боли впивались в ладони, почти раздирая кожу до крови.

Его учитель, преподобный Цинъян... На памяти Гу Яня это был самый добросердечный заклинатель из всех. Он практически никогда не выходил из себя, на его утончённом, бледном лице всегда играла кроткая улыбка, а в ласковых миндалевидных глазах светила теплота. Когда он смотрел на человека, казалось, будто весь его мир сфокусирован только на тебе.

Вот и сейчас он выглядел именно так — добрый старший, искренне недоумевающий, почему любимый ученик внезапно отстранился, и желающий сгладить возникшее недопонимание.

Прежде Гу Янь боготворил учителя и доверял ему больше всех на свете. Не имея родных с самого детства, он видел в Цинъяне единственного близкого человека и свой главный ориентир. Все его отчаянные старания на пути совершенствования преследовали лишь одну цель — стать сильнее, чтобы оказаться ближе к наставнику.

И учитель платил ему заботой. Он направлял его в медитациях, учил разбираться в духовных растениях, ковал для него мечи, покупал одежду. Да, возможно, он не испытывал к нему той трепетной слепой нежности, какую питал к хрупкому, утончённому Линь Чжэньчжэню, чей род связывала с Цинъяном давняя дружба... Но всё же!

Их многолетняя привязанность казалась настоящей.

Кто мог подумать, что именно этот человек поднимет на него руку?

Кинжал, вонзившийся в его даньтянь...

Какой же он был острый. И какой ледяной.

Фантомная боль от разрезанного нижнего дантяня вспыхнула с такой силой, что Гу Янь болезненно нахмурился. На мгновение образ стоящего перед ним Цинъяна поплыл.

Он так и не узнал, когда именно в душе учителя зародился смертоносный умысел. Появился ли он сразу, как только Линь Чжэньчжэня привели на гору Сяоцан? Или же, как и у Чжао Чжэньюя, привязанность к мальчику росла постепенно, пока страх перед его болезнью и неспособностью к совершенствованию не перевесил всё остальное? И тогда взгляд наставника упал на чужое Золотое Ядро...

Заметив, как побледнел и скривился ученик, Цинъян обеспокоенно спросил:

— Янь-эр? Что с тобой?

В его голосе звучала неподдельная тревога, а в глазах читалось искреннее сострадание.

Гу Янь будто очнулся от кошмара.

Да какая разница, когда?! Даже если сейчас наставник всё ещё считает его любимым учеником и искренне печётся о его благополучии — что это меняет? С самого начала и до конца сердце преподобного принадлежало Линь Чжэньчжэню. Если ради спасения этого мальчика от утробного яда и недугов они смогли однажды предать и вырезать его ядро, то сделают это и во второй, и в третий раз!

Горечь волной поднялась из глубины души. Взглянув на исполненное заботы лицо Цинъяна, Гу Янь почувствовал, как сомнения исчезают, уступая место ледяной решимости.

Ложь! Всё это — сплошная ложь!

Даже если сейчас в действиях учителя есть капля искренности, отныне он будет считать её фальшью. Он больше не поверит ни единому слову. Не наступит на те же грабли.

— Ученик в порядке, — сухо произнёс Гу Янь, качнув головой.

Видя, насколько холоден и отстранён всегда прежде ласковый ученик, преподобный Цинъян на мгновение задумался. Его тонкие пальцы медленно скользнули по рукояти длинного меча из чёрного железа.

— Чжэньчжэнь, Чжэньюй, оставьте нас, — произнёс он. — Мне нужно поговорить со старшим учеником наедине.

Линь Чжэньчжэню явно не хотелось уходить, и он капризно протянул:

— Учитель...

Однако Цинъян поджал губы, и на его лице впервые промелькнула строгость. Как-никак, он оставался главой и старшим наставником. Каким бы изнеженным и капризным ни был Линь Чжэньчжэнь, он понял, что перечить бесполезно. Надув губы и сжав кулачки в обиде, он скомкано поклонился и, увлекая за собой Чжао Чжэньюя, выскочил за дверь.

Когда дверь за ними закрылась, преподобный Цинъян некоторое время молча разглядывал Гу Яня. Тот поджал губы и, похоже, вовсе не собирался проявлять инициативу, чтобы сгладить неловкость. Зная упрямый нрав старшего ученика — если тот что-то вбил себе в голову, переубедить его почти невозможно, — наставник тихо вздохнул:

— Янь-эр, ты сердишься на меня из-за того, что я взял Чжэньчжэня в ученики?

Перебрав в уме все возможные причины, Цинъян не нашёл иного объяснения:

— Он тебе не по душе?

Спросив об этом, преподобный сам ощутил сомнение. Гу Янь никогда не отличался завистью или чёрствостью. Напротив, двух младших — Чжао Чжэньюя и Ци Жунжун — он опекал и воспитывал с искренней теплотой. Почему же появление Линь Чжэньчжэня вызвало такую бурю? Ладно бы просто обиделся, так ведь отдалился и от самого учителя! Это был дурной знак.

Цинъян с надеждой ждал ответа.

Душу Гу Яня терзали противоречия.

Забота и мягкость в глазах преподобного казались настолько искренними, что где-то в глубине сердца против воли вспыхнула крошечная искорка надежды. Что, если прямо сейчас учитель действительно любит его? Что, если позже его, как и Чжао Чжэньюя, просто сбили с толку сладкие речи и притворная ласка Чжэньчжэня? Ведь ничего из того кошмара ещё не случилось... Может быть, ещё можно изменить будущее?

Сжав губы, Гу Янь долгим, пристальным взглядом смотрел в глаза Цинъяну, после чего тихо, но отчётливо спросил:

— Если я скажу, что младший брат Линь мне не нравится... вы отошлёте его обратно в клан Линь?

Преподобный явно не ожидал подобного условия и на мгновение остолбенел:

— Чжэньчжэнь... Пусть он и не проявляет рвения в совершенствовании, но в остальном это кроткий, учтивый и милый мальчик. Я не заметил, чтобы он проявил к тебе хоть каплю неуважения. Почему же ты так невзлюбил его, Янь-эр?

Гу Янь молчал. Его губы сжались в узкую нить, а сердце окончательно превратилось в лёд.

На что он только надеялся? Какое глупое, жалкое ребячество!

Приняв его молчание за обиду, Цинъян мягко пояснил:

— Мать Чжэньчжэня была моей близкой подругой. В клане Линь её судьба сложилась несчастливо: когда она вынашивала ребёнка, её отравили. Яд разрушил духовные корни и меридианы Чжэньчжэня, лишив его возможности полноценно ступить на путь Дао, а сама она угасла вскоре после родов. Перед смертью она умоляла меня позаботиться о её сыне. Сейчас у главы клана Линь новая супруга и молодой наследник. Оставив Чжэньчжэня там, его бы просто затравили.

Кабы не эта клятва, Цинъян никогда бы не привёл мальчика на гору Сяоцан.

— У Чжэньчжэня больше нет дома, — со вздохом добавил наставник. — Покинет Сяоцан — и ему некуда податься.

Он терпеливо раскладывал всё по полочкам, желая быть понятым. Но Гу Яню больше не хотелось слушать.

— Ученик поступил дерзко, — сухо отчеканил он. — Вы вправе брать в ученики кого пожелаете, и не обязаны отчитываться передо мной. Если у учителя больше нет приказаний, позвольте откланяться.

Однако Цинъян не спешил отпускать его.

Гу Янь всегда был самым послушным и самостоятельным из всех его воспитанников — с самого детства он ни о чём не просил наставника. И вот, когда он впервые выразил желание, учитель не смог его исполнить. В душе преподобного укоренилось чувство вины.

— Янь-эр, если Чжэньчжэнь в чём-то провинился перед тобой, скажи. Я велю ему быть осмотрительнее и впредь не совершать подобных проступков.

— Нет, — мотнул головой Гу Янь.

Они замерли друг напротив друга в нежном сиянии ночных жемчужин. Гу Янь упрямо стоял на своём, не намереваясь делать и шага назад. Невзирая на небрежно собранные волосы и

простую серо-брезентовую одежду из грубого холста, его бледное, благородное лицо, похожее на выточенный из нефрита лик, хранило неопишущую, сдержанную красоту.

Цинъяну не хотелось гневаться на него. Желая разрядить атмосферу, преподобный первым пошёл на примирение:

— Ты — старший ученик нашей обители. Если Чжэньчжэнь сделает что-то не так, наставляй и наказывай его по своему усмотрению, но не держи на него зла.

— Слушаюсь, — холодно отозвался Гу Янь.

А про себя лишь ядовито усмехнулся. Воспитатель из него, оказывается, никудышный — раз уж Чжао Чжэньчжэнь, которого он взрастил с малых лет, поддался на пару сладких речей да горстку сладостей и вспылал к нему глухой ненавистью. Гу Янь не видел за собой никакой вины и уж точно не собирался исправляться. Отныне ему просто нет дела до Чжао Чжэньчжэня.

Что же до Линь Чжэньчжэня...

Он больше не станет, как в прошлой жизни, окружать его материнской опекой и заботой, чтобы в итоге заслужить лишь презрительное: «Жаба возомнила, что может лакомиться мясом лебеда!»

Лебедь ли Линь Чжэньчжэнь — дело десятое. Но Гу Янь всегда чётко помнил добро и зло, и роль жабы его ничуть не привлекала. Лучше потратить это время на уединённую медитацию и развитие духовных сил.

Тема исчерпала себя. Цинъян пододвинул меч из чёрного железа ещё на два цюня ближе к ученику:

— Ты только сформировал Золотое Ядро, этот клинок...

— Благодарю учителя за щедрость, — перебил Гу Янь. — Но меч мне не нужен.

«А то потом при расплате заставят вернуть с процентами», — мысленно добавил он.

Получив очередной отказ, преподобный вздохнул с отчётливым разочарованием. Он искренне считал себя безупречным наставником, и подобная холоднокровность ранила его.

— Что ж... Пока я оставлю меч у себя. Если передумаешь, скажи...

Преподобный поднял взор на высокого, статного и точёного старшего ученика. Ему совсем не

хотелось терять душевную связь с ним. Он открыл губы, намереваясь подобрать тёплые слова, но прежде именно Гу Янь всегда первым проявлял заботу, спрашивал о самочувствии и развлекал его беседами. Внезапно оказавшись без этой инициативы, Цинъян просто не нашёл, что сказать.

— Иди, отдохни, — махнул он рукой.

Гу Янь без колебаний поклонился и направился к выходу.

Едва его нога переступила порог, Цинъян окликнул его:

— Чжэньчжэнь рассказал мне об истории с Чэнь Анем. Коли ты уже проучил его, не стоит прогонять парня с горы. Пусть и дальше присматривает за духовными полями на заднем склоне.

Сердце Гу Яня тяжелело.

— Я не наказывал Чэнь Аня, — отстранённо произнёс он.

С самого начала его единственной целью было изгнание Чэнь Аня с горы Сяоцан. Ссадины на лице слуги тот нанёс себе сам, да и на колени перед домом встал исключительно по собственной воле.

Цинъян смутился:

— Но Чжэньчжэнь сказал...

Он осёкся на полуслове, встретив ледяной взгляд Гу Яня, и понял, что между двумя учениками действительно пролежала пропасть. Наставник тут же привычно попытался обелить младшего:

— Похоже, Чжэньчжэнь просто ошибся. Решил, будто ты избил Чэнь Аня, пожалел беднягу и пришёл за него заступиться.

— И вы всё равно хотите оставить Чэнь Аня? — тихо спросил Гу Янь, ничуть не удивлённый мгновенной защитной реакцией наставника.

Цинъян немного подумал:

— Оставь.

Он выслушал объяснения Чэнь Аня и знал, что тот всего лишь слишком увлёкся медитацией,

из-за чего недоглядел за садом и допустил вредителей к деревьям плодов Билин. Наставник не видел в этом большой беды: для заклинателя самосовершенствование должно стоять на первом месте, и мирская суета не должна отвлекать его от постижения Дао.

Гу Янь опустил взор:

— Значит, вы тоже считаете, что моё желание прогнать Чэнь Аня — это излишняя жестокость и самодурство?

Преподобный Цинъян замялся:

— Янь-эр...

Это молчание говорило громче любых слов. Желание сгладить углы казалось бессмысленным.

— Я понял, — тихо проронил Гу Янь.

«Без строгого порядка не выстроить обитель» — наставник не мог этого не знать. И всё же он посчитал Гу Яня чёрствым и жестоким лишь потому, что, по его мнению, стремление Чэнь Аня к культивации оправдывало любую халатность.

Прохладный ночной ветер заставил Гу Яня слегка вздрогнуть.

Ещё совсем недавно в его душе теплилась безумная надежда переписать судьбу. Теперь она угасла окончательно. Если даже законное решение о судьбе слуги вызывает у учителя глухое раздражение, то в будущем поводов для разлада станет лишь больше. Ведь таков его характер, таковы его методы!

Наставник, в конце концов, поступит точно так же, как Чжао Чжэньюй — шаг за шагом отдалятся, пока они не станут друг другу чужими.

Не стоило тешить себя иллюзиями.

Прежняя глубокая любовь и почтение к учителю развеялись в ночном воздухе, обратившись в невидимую пыль.

И от этого на сердце стало неожиданно легко.

Гу Янь застыл у дверного проёма и тихо произнёс:

— Да, учитель.

Преподобный Цинъян нахмурился.

Ему показалось, будто между ним и его старшим учеником только что пролегла непреодолимая пропасть.

<http://bllate.org/book/19602/1934181>